
18+
КАРМЕЛЛА ЛИВИЯ
НЕВЕСТА
НА ОДИН СЕЗОН

Кармелла Ливия

Невеста на один сезон

https://litres.ru/74834227
ISBN 9785007160162

Аннотация

Гарриет Фэрроу не собирается замуж второй раз. У неё книжная лавка на Флит-стрит, два пресса и четыреста фунтов долга, оставленного покойным мужем, который умел красиво говорить и плохо считать. Когда кредитор назначает срок, находится покупатель — только не на лавку, а на саму Гарриет. Полковник с холодным лицом и безупречными манерами, который предлагает за хорошие деньги стать на три месяца его невестой.

Содержание

Глава 1. Долг 5
Глава 2. Покупатель 12
Глава 3. Договор 19
Глава 4. Письмо матери 24
Глава 5. Приём 29
Глава 6. Лорд Сэквилл 35
Глава 7. Слух 41
Глава 8. Ночь 46
Глава 9. Пожар 52
Глава 10. Сосед 58
Глава 11. Два пресса 64
Глава 12. Бумага 69
Глава 13. Условия Гривза 74
Конец ознакомительного фрагмента. 75

Невеста на один сезон

Кармелла Ливия

© Кармелла Ливия, 2026

ISBN 978-5-0071-6016-2
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Долг

Февраль в Лондоне пахнет мокрым углём и типографской краской.

Гарриет открыла лавку в семь, как всегда. Внутри было холодно. Печь растапливали позже, когда просыпалась Нелл. На витрине лежали три книги, которые никто не купит: словарь, требник и роман с дамой на обложке.

Она пересчитала выручку за неделю. Два фунта шесть шиллингов.

Два шесть. До июня — четыреста.

За перегородкой стучал пресс. Нелл работала с семи, привычно, как дышала. Гарриет слышала, как она меняет лист, и как скрипит рычаг, и как тихо ругается, когда буква встаёт криво.

— Нелл.

— Что?

— Ты завтракала?

— Да.

— Чем?

— Тем, что было.

Гарриет не стала спрашивать дальше. Она знала, что было.

* * *

Гривз пришёл в девять.

Он всегда приходил в девять. Вежливо стучал, вежливо

снимал шляпу, вежливо ждал, пока его пригласят.

— Миссис Фэрроу.

— Мистер Гривз.

Он был в тёмном пальто и держал папку под мышкой, как держат зонт: небрежно и всегда.

— Я пришёл не для того, чтобы вам мешать, — сказал он. — Я пришёл напомнить.

— Я помню.

— Долг четыреста фунтов. Срок — первое июня.

— Я помню.

Гривз положил папку на прилавок и раскрыл её.

— Вот вексель. Вот расчёт процентов. Вот письмо о намерении передать дело в суд, если мы не договоримся.

Гарриет смотрела на бумаги. Буквы были ровные, чернила свежие, и от этого почему-то стало холоднее.

— Вы могли бы просто прислать письмо.

— Я предпочитаю говорить лично, — сказал он и улыбнулся. — Люди слушают лучше, когда видят, что у собеседника тоже есть лицо.

Один. Два. Три.

Она считала по-английски. Так её научил отец: цифры на чужом языке не имеют вкуса.

— Мистер Гривз, — сказала она. — Что вы хотите?

— Я хочу получить деньги, — сказал он. — Или участок.

— Участок не продаётся.

— Всё продаётся, миссис. Вопрос в цене.

Он закрыл папку и взял её под мышку.

— Вы можете не торопиться, — сказал он. — У вас есть три месяца. Я даже готов помочь: у меня есть покупатель, который готов забрать лавку вместе с прессом и долгом.

— Почему вы мне это рассказываете?

— Потому что я не злодей, — сказал Гривз. — Я человек, который не любит судов.

Он надел шляпу.

— До июня, миссис Фэрроу.

Он вышел, и дверь звякнула.

* * *

Через минуту дверь звякнула снова.

Гарриет подняла голову: на пороге стоял Гривз, но смотрел он не на неё, а назад, на улицу.

— Миссис Фэрроу, — сказал он. — Вы принимаете посетителей?

— Принимаю.

— У вас был гость.

— Был.

Гривз помолчал.

— Полковник Рэдклифф, — сказал он. — Я не знал, что вы знакомы.

Гарриет положила перо.

— А вы знакомы?

— По делам, — сказал Гривз. — Он заказывал бумагу. Давно.

Он надел шляпу.

— Вексель, миссис Фэрроу. Июнь.

И вышел.

Гарриет смотрела на дверь.

Он знает его. И он не удивился — он спросил.

* * *

Нелл вышла из-за перегородки и вытерла руки о фартук.

— Он придёт ещё?

— Придёт.

— Что мы будем делать?

— Работать, — сказала Гарриет. — И искать.

— Что искать?

— Деньги.

Она сказала это ровно, будто речь шла о новой типографской краске.

Нелл смотрела на неё.

— Миссис.

— Что?

— Вы считали вслух.

— И что?

— Вы всегда считаете вслух, когда злитесь, — сказала Нелл. — Значит, вы злитесь. А раз злитесь, значит, выхода нет.

Гарриет посмотрела на неё и вдруг рассмеялась — коротко, хрипло.

— Выход есть всегда, — сказала она. — Просто он иногда

стоит слишком дорого.

* * *

В полдень пришёл покупатель.

Он вошёл так тихо, что она не сразу услышала: высокий, в тёмном, с мокрым воротником. Не из тех, кто покупает романы.

От него пахло холодной шерстью и чернилами. Не духами, не вином — чернилами, как пахнет человек, который весь день держит перо.

— Словарь, — сказал он.

— Какой?

— Английский.

Гарриет обошла прилавок.

— У меня есть Джонсон, в двух томах. И есть школьный, дешевле.

— Джонсон.

Она вынула два тома, тяжёлых, с потёртым корешком.

Он взял первый, открыл и стал читать — не листать, а читать, как читают люди, у которых мало времени и много привычки.

Потом отложил словарь и взял со стойки тонкий серый листок.

— «О праве женщин содержать себя», — прочёл он вслух.

— Это не для продажи.

— А для чего?

— Для тех, кому нужно.

Он перевернул листок и прочёл вторую страницу — медленно, до конца.

— «Женщина, которая сама платит за уголь, не спрашивает разрешения, — прочёл он. — Она просто покупает уголь».

Гарриет молчала.

— Это ваше? — спросил он.

— Моё.

Он положил листок на место — аккуратно, как кладут чужое.

— Сколько?

— Двадцать восемь шиллингов.

Он поднял глаза. У него был шрам над бровью и очень спокойный взгляд — такой, каким смотрят на человека, у которого заметили что-то лишнее.

Он положил ладонь на прилавок — широкую, с длинными пальцами, с белой полоской старого шрама у большого пальца. Гарриет поймала себя на том, что смотрит на эту руку дольше, чем нужно, и отступила на полшага.

— Дорого.

— Это словарь, — сказала Гарриет. — Он стоит столько тридцать лет.

— И всё-таки дорого.

Он положил том на прилавок и огляделся.

— У вас своя типография?

— Своя.

— Сколько людей?

— Двое. Я и наборщица.

— И вы печатаете…

Он не закончил фразу, но глаза его остановились на стопке памфлетов у стены: тонких, серых, с заголовком «О праве женщин содержать себя».

— Всё, что заказывают, — сказала Гарриет.

— И это тоже заказывают?

— Это я написала сама.

Он долго молчал. Потом взял словарь и положил на прилавок монеты — ровно двадцать восемь.

— Я возьму, — сказал он. — И ещё одно. У вас есть где жить, если дело придётся продать?

Гарриет замерла.

— Откуда вы знаете про дело?

— У вас на прилавке лежит письмо от кредитора, — сказал он. — И вы не убрали его, когда я вошёл.

Она опустила глаза. Письмо действительно лежало — наполовину под книгой, с печатью Гривза.

— Кто вы? — спросила она.

— Полковник Рэдклифф, — сказал он. — И у меня к вам дело, миссис Фэрроу.

Он сказал это тихо, без нажима, и всё равно в лавке стало теснее.

— Какое?

— Я хочу купить не словарь, — сказал он. — Я хочу купить три месяца вашего времени.

Глава 2. Покупатель

Он не ушёл через минуту, как уходят люди с деньгами.

Он остался стоять у прилавка, со словарём под рукой, и смотрел.

Сначала Гарриет решила, что он ждёт сдачи. Потом поняла: он смотрит на лавку так, как смотрят на дом, который собираются покупать.

— Вы всегда стоите так долго? — спросила она.

— Иногда дольше.

— Тогда, может, присядете?

Он посмотрел на стул у стены — шаткий, с продавленным сиденьем — и сел без колебаний, будто всю жизнь сидел на таких.

— Миссис Фэрроу, — сказал он. — Скажите, почему вы печатаете памфлеты?

— Потому что их покупают.

— Их покупают мало.

— Их покупают те, кому нужно, — сказала Гарриет. — А таких в Лондоне больше, чем кажется.

Он чуть наклонил голову.

И она вдруг заметила, как он слушает: не перебивая, чуть склонив голову набок, как человек, который привык слышать больше, чем сказано вслух. От этого у неё пересохло во рту, и она разозлилась на себя.

— Сколько вы заработали на последнем?

— Два фунта шесть шиллингов за неделю. Всё вместе: книги, памфлеты, заказы.

— А на жизнь надо больше.

— На жизнь надо четыре.

Он помолчал.

— И вы не просите.

— У кого?

— У людей, которые могли бы дать.

Гарриет вытерла руки о фартук — и снова поймала себя на том, что смотрит на его пальцы. На этот раз — на то, как он держит словарь: у самого корешка, чтобы не помять угол.

— Полковник, — сказала она. — Я три года держу это дело. Мне предлагали помощь шесть раз. Четыре раза — с условиями, два — с жалостью. Ни то, ни другое мне не подходит.

— А что подходит?

— Работа.

Он посмотрел на неё внимательнее, чем прежде.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда я скажу прямо.

* * *

Нелл вышла из перегородки, вытирая руки, и остановилась в дверях.

— Миссис.

— Знакомься. Полковник Рэдклифф. Нелл Паркер, моя наборщица.

— Мэм, — сказал он.

Нелл кивнула и не ушла.

— Нелл, — сказала Гарриет. — Нам нужен чай.

— Чай кончился.

— Тогда вода.

Нелл посмотрела на неё, потом на полковника, и вышла — медленно, всем видом показывая, что она против.

— Она вас боится, — сказала Гарриет.

— Она боится не меня. Она боится, что вы останетесь одна.

* * *

— Вы вдова, — сказал он. — Три года.

— Три года и четыре месяца.

— И долг остался от мужа.

— Да.

— Он печатал?

— Он пил, — сказала Гарриет. — И брал заказы, которые не выполнял. А потом умер, и я узнала, что должна четырём людям, включая Гривза.

Он не выразил сочувствия. Это ей понравилось.

— У меня есть предложение, — сказал он. — Оно странное, и вы вправе отказаться.

— Говорите.

— Мне нужно выглядеть человеком, который собирается жениться, — сказал полковник. — Тихим, надёжным, без скандалов. Мне нужно это на три месяца: с февраля по май.

— Зачем?

— Затем, что комиссия по делам ветеранов не любит холостяков. Холостяк — это человек, который может позволить себе скандал.

Гарриет смотрела на него.

— Вы хотите купить невесту.

— Я хочу нанять человека, который сыграет роль, — сказал он. — Без обмана в главном: я не собираюсь вас обманывать. Договор будет подписан.

— И что я должна делать?

— Три выхода в свет. Два обеда. Один визит к моей матери. И молчать о том, что это сделка.

— А взамен?

Он назвал сумму.

Гарриет не изменилась в лице, хотя внутри у неё всё сжалось: это были её четыреста фунтов. Ровно.

— Четыреста, — сказала она.

— Четыреста.

— Почему ровно четыреста?

— Потому что я читал бумаги на вашем столе, — сказал он спокойно. — И знаю, сколько вы должны.

Она медленно положила руки на прилавок.

— Значит, вы не предлагаете. Вы покупаете.

— Я предлагаю, — сказал он. — Разница в том, что я называю цену вслух.

* * *

— Простите, — сказала Гарриет. — Я на минуту.

Она ушла за перегородку, где стояла книга, и раскрыла её на последней странице. Цифры были мелкие, отцовские, и она знала их наизусть.

Долг — четыреста. Проценты — двенадцать. Пресс, о котором она торговалась с осени, — восемьдесят пять. Краска и бумага до конца года — тридцать.

Четыреста закрывали только долг. Всё остальное оставалось на месте.

Она постояла, держась за край стола.

Пять сотен. Ровно пять.

— Миссис? — окликнула Нелл от пресса.

— Сейчас.

— Всё в порядке?

— Пока не знаю, — сказала Гарриет и вернулась в лавку.

* * *

Нелл вернулась с водой и поставила кружку так, что та стукнула.

— Пятьсот, — сказала Гарриет.

Полковник поднял бровь.

— Пятьсот?

— Четыреста — долг. Сто — за то, что я буду молчать и улыбаться людям, которые будут смотреть на меня как на выскочку.

— Это наглость.

— Это цена, — сказала она. — Вы сами сказали: разница

в том, что цену называют вслух.

Он смотрел на неё долго.

Потом впервые за всё утро улыбнулся — коротко, одним углом рта.

— Хорошо, — сказал он. — Пятьсот.

— И ещё одно.

— Слушаю.

— Никакой лжи, — сказала Гарриет. — Кроме необходимой. Я не стану врать о том, кто я. Я миссис Фэрроу, я держу лавку и типографию, и я не буду делать вид, что это не так.

Он помолчал.

— Согласен, — сказал он. — Но и вы не спрашивайте о том, о чём я не смогу ответить честно.

— Это уже похоже на ложь.

— Это похоже на границу, — сказал полковник. — У каждого она есть.

* * *

Он ушёл в час, оставив словарь и двадцать восемь шиллингов.

Гарриет стояла у прилавка, пока за ним не закрылась дверь.

— Миссис, — сказала Нелл. — Кто это был?

— Человек с деньгами.

— А что он хотел?

Гарриет посмотрела на письмо Гривза, потом на пресс за перегородкой, потом на свои чернильные пальцы.

— Три месяца, — сказала она. — Он хотел три месяца.
Один. Два. Три.
— И вы согласились?
— Я назначила цену.

Глава 3. Договор

Договор писали в лавке, на прилавке, между словарём и стопкой памфлетов.

— Первое мая, — сказал полковник. — Не позже.

— Почему первое?

— Потому что второго комиссия собирается в последний раз перед летом.

Гарриет обмакнула перо.

— Значит, три месяца.

— Три месяца.

Он стоял по другую сторону прилавка, без пальто, и она впервые видела его целиком: широкий в плечах, узкий в поясе, левая рука чуть отведена, будто он забыл её дома.

— Диктую, — сказала она. — «Я, Джулиан Рэдклифф, полковник, обязуюсь выплатить миссис Гарриет Фэрроу пятьсот фунтов в три срока».

— Согласен.

— «Миссис Фэрроу обязуется на протяжении трёх месяцев именоваться невестой полковника Рэдклиффа и присутствовать на мероприятиях, которые он сочтёт необходимыми».

— Не более двух в неделю.

— Хорошо. «Не более двух в неделю».

Она писала быстро, ровно, привычно. Перо скрипело.

— «По истечении срока стороны объявляют о расторжении помолвки по взаимному согласию. Причина — несходство характеров».

Он помолчал.

— Пишите «по несходству обстоятельств».

— Это лучше, — согласилась Гарриет. — Это почти правда.

* * *

Нелл сидела у стены с чашкой и не сводила с них глаз.

— Нелл, — сказала Гарриет. — Ты свидетель.

— Я вижу.

— Подпишешь в конце.

— Обязательно.

Полковник обернулся.

— Вы против, мисс Паркер?

— Я не против, — сказала Нелл. — Я просто заметила: вы говорите «согласен» так, будто выиграли.

Гарриет подняла голову.

Он посмотрел на девочку и не стал ни спорить, ни смеяться.

— Я не выиграл, — сказал он. — Я купил.

— Это одно и то же? — спросила Нелл.

— Нет.

* * *

— Ещё одно условие, — сказала Гарриет. — С моей стороны.

— Слушаю.

— Я остаюсь миссис Фэрроу. Не «невеста полковника», не «мисс», не «мадам» в кавычках. В лавке, в типографии, с людьми — я миссис Фэрроу, и дело моё.

— Разумно.

— И третье. Если кто-то спросит, почему я выхожу за вас, я не буду врать про любовь.

Он поднял бровь.

— А что вы будете говорить?

— Что вы мне нравитесь, — сказала Гарриет. — Это не ложь.

Он смотрел на неё секунду дольше, чем требовало дело.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда я скажу то же самое.

* * *

Бумагу подписали в четыре.

Он поставил подпись быстро, коротко, как ставят люди, которым всё равно, что о них подумают потом. Она — мелко, с нажимом, как ставят те, кому важно.

Нелл подписала внизу и отошла.

— Миссис, — сказала она тихо.

— Что?

— Можно вас на минуту?

Они отошли к прессу.

— Вы понимаете, что теперь будет?

— Понимаю.

— Если он откажется платить, — проговорила Нелл, —

вы не сможете судиться. Женщине по такому договору не дадут.

— Знаю.

— И вы всё равно подписали?

Гарриет посмотрела на неё.

— Я подписала не потому, что верю ему, — сказала она. — А потому, что без этих денег к июню у нас не будет ничего.

— А если он не заплатит?

— Тогда я буду должна пять сотен и останусь без лавки.

Нелл помолчала.

— И вы так спокойно говорите?

— Я не спокойно, — проговорила Гарриет. — Я считаю.

— Первый срок, — сказал полковник и положил на прилавок конверт. — Сто шестьдесят шесть. Второй — в марте. Третий — в мае.

Гарриет взяла конверт.

— Вы не боитесь, что я возьму и убегу?

— Нет.

— Почему?

— Потому что лавка осталась здесь, — сказал он. — А вы не из тех, кто бросает лавку.

Он взял пальто.

— В субботу приём у леди Хартли. Я заеду в семь.

— В шесть.

— В шесть, — сказал он. — И ещё одно, миссис Фэрроу.

— Да?

— Платье, — сказал он. — Что-нибудь не серое.

Она посмотрела на него.

— У меня всё серое.

— Тогда что-нибудь цветное, — сказал полковник. — Или хотя бы шаль.

* * *

Когда дверь закрылась, Нелл сказала:

— Он прав.

— Насчёт платья?

— Насчёт шали.

Гарриет рассмеялась и вдруг поймала себя на том, что держит конверт у груди, будто письмо от любимого.

Она положила его на прилавок.

Один. Два. Три.

— Ты не считай, — сказала Нелл. — Ты радуйся.

— С чего мне радоваться?

— С того, что вы не одни, — сказала Нелл и ушла за перегородку, и оттуда сразу же застучал пресс.

Глава 4. Письмо матери

Письмо пришло во вторник, и он принёс его сам.

— От матери, — сказал полковник и положил лист на прилавок. — Прочтите.

— Это ваше письмо.

— Оно про вас, — сказал он. — Значит, и ваше.

Гарриет развернула.

Почерк был крупный, уверенный, с сильным нажимом. Так пишут люди, которые не сомневаются, что их прочтут до конца.

«Джулиан. До меня дошли слухи, что ты сделал предложение вдове, которая держит лавку. Я надеюсь, это ошибка. Если нет, я надеюсь, что она хотя бы тихая женщина и не станет говорить о политике за столом. Мисс Кларк всё ещё свободна. Мать».

Гарриет дочитала и положила лист.

— «Тихая женщина», — сказала она.

— Да.

— И «хотя бы».

— Да.

Она вытерла руки о фартук.

— Что вы ответили?

— Пока ничего.

— Почему?

Он помолчал.

— Потому что не знаю, что ответить, — сказал он. — Вы не тихая.

— Не тихая.

— И о политике за столом говорить станете.

— Стану, — сказала Гарриет. — Особенно если сяду рядом с человеком, который считает, что женщине место в детской.

Полковник посмотрел на неё и вдруг усмехнулся — одним углом рта, как тогда.

— Вот это и напишите, — сказал он.

— Что?

— Ответ. Вы. От своего имени.

Гарриет подняла брови.

— Вы хотите, чтобы я написала письмо вашей матери?

— Хочу, — сказал он. — Она получит письмо от женщины, которую я выбрал. Пусть увидит, какая она.

* * *

Она писала полчаса, трижды перечёркивала, потом махнула рукой и написала как есть.

«Миледи. Я вдова и держу лавку на Флит-стрит. Я не тихая, о политике за столом говорить умею и не считаю это недостатком. Мне жаль, что это вас огорчает. Если вам угодно познакомиться со мной раньше свадьбы, я буду дома в четверг. — Гарриет Фэрроу».

Полковник прочёл дважды.

— Она не приедет, — сказал он.

— Знаю.

— И обидится.

— Знаю.

Он сложил лист.

— Мне нравится, — сказал он.

* * *

Он не ушёл сразу.

Стоял у витрины, смотрел на улицу, и Гарриет видела, как у него устало опущены плечи.

— Полковник.

— Джулиан, — сказал он, не оборачиваясь. — Мы подписали бумагу. Можно и по имени.

Она помолчала.

— Джулиан.

Он обернулся.

— Что?

— Вы не спали, — сказала Гарриет. — У вас глаза как у человека, который третью ночь читает бумаги.

— Вторую.

— Ложитесь раньше.

— Не могу.

— Почему?

Он долго молчал.

— Потому что когда я ложусь, — сказал он, — я начинаю думать. А когда думаю, вспоминаю.

Гарриет не стала спрашивать, что именно.

Она взяла с полки маленькую книгу — дешёвое издание, потрёпанное — и протянула ему.

— Что это?

— Сказки, — сказала она. — Для детей. Читайте перед сном. Там никто не умирает.

Он взял книгу и посмотрел на неё так, будто ему вручили что-то опасное.

— Спасибо, — сказал он.

* * *

Через два дня он принёс книгу обратно.

— Уже?

— Прочёл.

— Всю?

— Всю, — сказал Джулиан и положил её на прилавок.

Гарриет взяла книгу и раскрыла на середине. На полях были карандашные пометки — три, не больше.

— Вы писали на полях.

— Простите.

— Не прощаю, — сказала она. — Это библиотечный экземпляр.

Он помолчал.

— Я вытру.

— Не надо.

Гарриет перевернула страницу.

— Вот здесь, — проговорила она. — У автора сказано:

«он не мог заснуть». А вы написали: «мог, если бы знал, что утро будет».

— Это неправильно?

Она посмотрела на него.

— Это лучше, чем в книге.

— Не за что.

Он ушёл. А она ещё долго стояла у прилавка и смотрела на дверь.

Он сказал «Джулиан». И я сказала.

* * *

— Миссис, — сказала Нелл из-за перегородки.

— Что?

— Вы улыбаетесь.

— Я не улыбаюсь.

— Улыбаетесь, — сказала Нелл. — И уже полчаса не считаете.

Гарриет посмотрела на бумаги на прилавке. Счёт лежал недописанным.

— Допишу, — сказала она.

— Допишите, — согласилась Нелл. — А то вы так допишетесь до того, что он вам и правда понравится.

Гарриет хотела ответить резко. Вместо этого она взяла перо и обнаружила, что не помнит, на чём остановилась.

Глава 5. Приём

Шаль была тёмно-зелёная, шерстяная, с бахромой.

Гарриет купила её в тот же день, за девять шиллингов, у старухи на углу, и весь вечер убеждала себя, что это не трата, а вложение.

Нелл держала зеркало.

— Хорошо, — сказала она. — Вам идёт.

— Мне не идёт.

— Вам идёт, — повторила Нелл. — И если вы сейчас скажете, что она слишком яркая, я скажу, что вы просто боитесь.

Гарриет заколола шаль брошью — единственной, что осталась от матери, — и посмотрела на себя.

В зеркале стояла женщина в сером платье и зелёной шали, с чернильными пальцами и высоко поднятым подбородком.

Не тихая.

* * *

Он приехал в шесть, в карете.

— Вы в зелёном, — сказал он.

— Вы просили не серое.

— Я просил цветное.

— Это цветное, — сказала Гарриет. — Оно просто не кричит.

Он посмотрел на неё и ничего не ответил, но в карете,

когда они отъехали, сказал:

— Вам идёт.

Она отвернулась к окну, чтобы он не видел её лица.

* * *

Дом леди Хартли был светлый и шумный.

Свечи в люстрах, музыка из дальней комнаты, запах воска и духов, десятки людей, которые говорили одновременно.

— Не отпускайте мою руку, — сказал он тихо, когда они вошли.

— Почему?

— Потому что если отпустите, вас съедят за три минуты.

Она взяла его под локоть.

— Я думала, вы скажете что-то про поддержку.

— Это и есть поддержка, — сказал полковник.

* * *

Первые полчаса прошли как во сне.

Её представляли: «миссис Фэрроу», «моя невеста», «держит типографию». На последнем слове брови поднимались — у кого на палец, у кого на два.

Больше всех старалась леди Хартли.

— Типография? — сказала она. — Как интересно. И вы сами… всем этим управляете?

— Управляю, — сказала Гарриет.

— И печатаете?

— Печатаю.

— Что же?

— Словари, — сказала Гарриет. — И памфлеты.

— Ах, памфлеты, — протянула леди Хартли так, будто речь шла о тараканах. — Мой муж говорит, что памфлеты — это то, что читают люди, у которых нет библиотеки.

Гарриет улыбнулась.

— Ваш муж прав, — сказала она. — Памфлеты читают те, у кого нет библиотеки. И ещё те, у кого есть, но кто не любит пыль.

Рядом засмеялись.

Гарриет обернулась: высокий человек с бакенбардами смотрел на неё с любопытством.

— Простите, — сказал он. — Я не подслушивал. Я стоял.

— И слушали.

— И слушал.

Он поклонился.

— Сэр Джон Хартли. А вы, значит, та самая типография.

— Та самая.

— И сколько же даёт типография в год?

Вопрос был задан светским тоном и всё-таки был вопросом по делу.

— Достаточно, чтобы платить за уголь и не брать в долг у сэра Джона Хартли, — сказала Гарриет.

Он засмеялся. А человек, стоявший за его плечом, — худой, в тёмном, с мягким лицом, — не засмеялся, а посмотрел на неё внимательно и запомнил.

Полковник рядом с ней чуть шевельнулся — и она по-

чувствовала его ладонь у себя на спине, между лопатками, сквозь шаль.

Одно мгновение. Потом он убрал руку.

— Идёмте, — сказал он. — Здесь душно.

* * *

В саду было холодно и тихо.

Гарриет стояла у стены, прижав ладони к камню, и пыталась дышать ровно.

— Вы дрожите, — сказал он.

— Здесь холодно.

— Здесь холодно, — согласился полковник. — И вы врёте.

Она обернулась.

— Я не боюсь.

— Я не сказал, что боитесь.

— А что сказали?

Он помолчал.

— Что вы держитесь так, будто вас сейчас будут судить.

Гарриет посмотрела в темноту сада.

— Меня и будут, — сказала она. — Всю жизнь. Я женщина, которая сама зарабатывает. Это хуже, чем быть вдовой и бедной.

— Хуже?

— Просто заметнее.

Он стоял рядом, и она слышала его дыхание.

— Мне нравится, как вы держитесь, — сказал он вдруг.

— Что?

— Вы не стараетесь им понравиться, — сказал полковник. — Вы стараетесь не уронить себя. Это разные вещи.

Гарриет отвернулась.

— Вы сейчас скажете что-нибудь доброе, и я заплачу, — предупредила она.

— Не скажу.

— Хорошо.

— Скажу в другой раз.

* * *

Обратно они шли через зал, и у лестницы к ним шагнул человек.

Высокий, лет сорока пяти, в тёмном, с очень мягким лицом и очень внимательными глазами.

— Рэдклифф, — сказал он. — Наконец-то.

Полковник остановился.

— Лорд Сэквилл.

— А это, должно быть, ваша… — он посмотрел на неё и улыбнулся так тепло, что ей стало холодно, — …невеста.

— Гарриет Фэрроу, — сказала она.

— Миссис Фэрроу, — повторил он. — Я слышал о вас. Вы печатаете.

— Печатаю.

— И много?

— Достаточно, чтобы платить за уголь.

Сэквилл рассмеялся.

— Умна, — сказал он полковнику. — Вам идёт.

Он поклонился ей и отошёл, и Гарриет смотрела ему в спину, пока он не скрылся в толпе.

— Кто это? — спросила она.

— Председатель комиссии, — сказал полковник. — Именно он решает, останусь ли я на службе.

— И?

— И он только что сказал мне, — ровно проговорил Джулиан, — что знает, кто вы. Значит, собирается копать.

Глава 6. Лорд Сэквилл

В карете он молчал до самого поворота.

— Кто он? — спросила Гарриет.

— Председатель комиссии по делам ветеранов, — сказал Джулиан. — Член парламента от графства. Человек, который решает, кому платить пенсию, а кому нет.

— И что ему от меня?

— Ему нужно знать, кто вы.

— Почему?

Полковник посмотрел в окно.

— Потому что он не любит людей, у которых есть своя типография, — сказал он. — Такие люди печатают то, что им вздумается.

Гарриет откинулась на спинку.

— Значит, я опасна.

— Вы заметны, — сказал он. — Это хуже.

* * *

Сэквилл пришёл в лавку на следующий день, в одиннадцать.

Он вошёл с той же тёплой улыбкой, снял перчатки и огляделся так, будто попал в музей.

— Миссис Фэрроу. Я не помешал?

— Помешали, — сказала Гарриет. — Но я всё равно рада.

Он засмеялся.

— Вы дерзки.

— Я работаю, — сказала она. — Это выглядит одинаково.

Нелл вышла из-за перегородки и встала у стены, скрестив руки.

— Вы, должно быть, наборщица, — сказал Сэквилл. — Как вас зовут?

— Нелл Паркер.

— Мисс Паркер. И вы тоже печатаете?

— Набираю, — сказала Нелл. — Печатает пресс.

— Разумеется.

Он повернулся к Гарриет.

— У меня к вам дело. Комиссии нужны бланки. Три тысячи листов, гербовая бумага, аккуратно, к концу марта.

— Три тысячи — это месяц работы, — сказала Гарриет. — У меня один пресс.

— У вас один пресс, — согласился он. — Но я слышал, вы берёте заказы и у других.

— Иногда.

— Вот и возьмите. — Он положил на прилавок карточку. — Здесь адрес и образец. Цена — как договоримся.

Гарриет взяла карточку.

— Почему я? — спросила она. — В Лондоне двадцать типографий.

Сэквилл посмотрел на неё с удовольствием.

— Потому что вы дешевле, — сказал он. — И потому что вы теперь невеста полковника Рэдклиффа. Мне приятно

иметь дело с людьми, которых я знаю.

— Вы меня не знаете.

— Узнаю, — сказал он. — У нас впереди много бумаги.

* * *

Он ушёл, а Нелл сразу сказала:

— Мне он не нравится.

— Мне тоже.

— Он спросил, сколько у нас прессов.

— Спросил.

— И сколько людей.

— И это.

Нелл помолчала.

— Миссис. Он не заказ пришёл давать. Он пришёл смотреть.

Гарриет положила карточку на прилавок.

— Знаю, — сказала она. — Но три тысячи листов — это сорок фунтов. А у нас до июня четыреста долга.

* * *

Образец бумаги она рассмотрела вечером, при двух свечах.

Он был плотнее её запасов и жёстче на изгиб. На углу — водяной знак: щит с тремя перьями.

Гарриет достала свой запас и положила рядом. Её бумага была мягче и темнее.

Не наша.

— Нелл.

— Что?

— Смотри.

Нелл поднесла оба листа к свече.

— Это банковская, — сказала она. — Я такую видела.

— Где?

— У Гривза. Он её держал в отдельном ящике и не давал никому.

Гарриет сложила образец вчетверо и убрала в шкатулку.

— Запомни, — проговорила она. — Если со мной что-то будет, ты покажешь это Барнсу. Не констеблю. Барнсу.

— Почему не констеблю?

— Потому что констебль может быть чей-то, — сказала Гарриет. — А Барнс уже наш.

— И вы согласитесь?

— Я соглашусь, — сказала Гарриет. — Но сначала посмотрю, что за бумага.

* * *

Вечером она спросила Джулиана.

Он пришёл к семи, как договорились, и стоял у окна, пока она говорила.

— Он дал мне заказ, — сказала она. — На бланки для комиссии.

— Не берите.

— Почему?

— Потому что всё, что проходит через его руки, потом оказывается его.

Гарриет села.

— Вы его боитесь.

— Да.

— Почему?

Джулиан долго молчал.

— Потому что три года назад, — сказал он, — я был под Виторией. И с тех пор он знает обо мне то, чего не знаю я.

— Что это значит?

— Это значит, — сказал он, — что он может рассказать вам обо мне больше, чем я сам.

Она смотрела на него.

— И вы не скажете, что именно?

— Не сейчас.

— Тогда когда?

Он повернулся к окну.

— Когда вы будете готовы не поверить ему, — сказал он.

* * *

Уходя, он задержался в дверях.

— Миссис Фэрроу.

— Да.

— Если он придёт ещё раз, — сказал Джулиан, — не оставайтесь с ним одна. Позовите Нелл. Или пошлите за мной.

— Вы думаете, он опасен?

— Я думаю, — сказал он, — что он умеет быть опасным, не нарушая закона. Это хуже.

* * *

Нелл закрыла ставни и заперла дверь.

— Миссис.

— Что?

— Вы заметили, как он сказал «Витория»? — спросила Нелл. — Как будто пробовал слово на вкус.

Глава 7. Слух

Модистка жила на Саутгемптон-стрит, и там всегда пахло крахмалом и чужими секретами.

Гарриет пришла за лентами. Она стояла у прилавка, когда за ширмой заговорили две дамы.

— …говорят, он отдал приказ без разведки. Одиннадцать человек.

— Одиннадцать? Я слышала, двадцать.

— Одиннадцать, милая. Мой кузен служил в том полку.

— И что, его не судили?

— За что? Он же герой. У него медаль.

— Медаль за то, что люди погибли.

Гарриет держала ленту в руках и не двигалась.

— Кто это? — спросила она модистку.

Та понизила голос.

— Полковник Рэдклифф, — сказала она. — Тот, с которым вы… — она запнулась, — …которого вы знаете.

— Спасибо, — сказала Гарриет. — Я возьму три ярда.

* * *

Домой она шла пешком, хотя могла взять кэб.

Снег ещё лежал в переулках, серый, грязный, и вода стекала по желобам. Она шла и повторяла про себя: одиннадцать, одиннадцать, одиннадцать.

Одиннадцать — это не число. Это одиннадцать человек.

В лавке Нелл ждала её с чаем.

— Миссис.

— Что?

— Вы не разделись.

Гарриет посмотрела на себя. Пальто, шаль, шляпа. Всё на месте.

Она села.

— Нелл.

— Да?

— Ты когда-нибудь слышала про Виторию?

Нелл поставила чашку.

— Слышала, — сказала она. — В прошлом году, на старой работе. Наборщик рассказывал.

— Что рассказывал?

— Что полковник отдал приказ идти вперёд, — сказала Нелл. — Что разведка не пришла, а он всё равно пошёл. И что потом одиннадцать человек остались на поле.

Гарриет смотрела в чай.

— И что ты об этом думаешь?

— Я думаю, что наборщик врал, — сказала Нелл. — Он всегда врал, за это его и выгнали.

— Почему ты так решила?

— Потому что он не мог знать, — сказала Нелл. — Он был в Лондоне. Он печатал приказы, а не читал их.

* * *

* * *

Днём она пошла в кофейню на Патерностер-роу, где сходились книжники.

Там пахло кофе, табаком и мокрой бумагой. За третьим столом сидел старик Мосс — тот, кто знал всё о чужих делах и ничего о своих.

— Миссис Фэрроу.

— Мистер Мосс. — Она села напротив. — Мне нужно узнать про Виторию.

Старик поставил чашку.

— Зачем?

— Потому что обо мне говорят, что мой жених там был.

— И?

— И я хочу знать, что там было.

Мосс долго молчал. Потом наклонился.

— Миссис, я вам скажу одно: бросьте.

— Почему?

— Потому что там были люди, которых за это уже нет, — проговорил он. — И потому что те, кто спрашивает, обычно потом жалеют.

— Я не из тех, кто жалеет.

— Все так говорят, — сказал Мосс. — А потом приходят и просят напечатать опровержение.

Он взял шляпу.

— И ещё одно. Если вам кто-нибудь предложит бумаги по этому делу — не берите. За них потом платят дважды.

— Кто платит?

— Сначала тот, кто даёт, — сказал старик. — А потом тот, кто берёт.

Он ушёл.

* * *

Вечером пришёл Джулиан.

Он вошёл, стряхнул снег с плеч и сразу увидел её лицо.

— Что случилось?

— Я была у модистки.

— И?

— И слышала про Виторию.

Он не изменился в лице. Только снял перчатки медленнее, чем обычно.

— Что именно вы слышали?

— Одиннадцать человек, — сказала Гарриет. — Приказ без разведки. Медаль.

Он положил перчатки на прилавок и выровнял их, будто это было важно.

— Это правда, — сказал он. — Частично.

— Какая часть?

— Та, где одиннадцать.

Она ждала продолжения. Его не было.

— Джулиан.

— Не сейчас.

— Ты всегда говоришь «не сейчас».

— Потому что всегда сейчас рано.

Гарриет встала.

— Если ты не скажешь мне, я спрошу его.

— Кого?

— Сэквилла.

Он поднял голову, и в его взгляде было что-то, чего она раньше не видела.

— Не смейте, — сказал он тихо.

— Почему?

— Потому что он расскажет вам так, — сказал Джулиан, — что вы поверите ему, а не мне.

* * *

Она не спала почти до утра.

За стеной стучал пресс. Нелл работала, хотя время было позднее.

Гарриет лежала и думала о том, что впервые за три года ей сказали «не смейте» — и что это было не про дело.

Он испугался. Не за себя.

Она повернулась к стене.

Или за себя. И это хуже.

Глава 8. Ночь

Второй выход в свет был тише первого.

Ужин у банкира, шесть перемен, разговоры о ценах на хлеб. Гарриет сказала две фразы за весь вечер и обе — по делу.

Уходили в одиннадцать.

На улице шёл снег, мелкий, злой, и ветер гнал его вдоль домов.

— Кэб? — спросил Джулиан.

— Пешком, — сказала она. — Я устала сидеть.

Он снял пальто.

— Не надо.

— Надо.

Он накинул его ей на плечи. Пальто было тяжёлое, тёплое и пахло им — шерстью, табаком и чем-то ещё, чистым.

Гарриет поёжилась.

— Вам будет холодно.

— Я привык, — сказал он. — В Испании было холоднее.

* * *

Они шли по пустой улице.

— Почему вы не спросили меня сегодня? — сказал он вдруг.

— О чём?

— О Витории.

Она посмотрела на него.

— Потому что вы сказали «не сейчас».

— И вы послушались?

— Я не люблю, когда мне говорят «не смейте», — сказала Гарриет. — Но я умею ждать, когда человек говорит «не сейчас».

Он долго молчал.

— Разница тонкая.

— Разница в том, кто говорит, — сказала она. — Когда вы говорите «не сейчас», это значит «мне тяжело». Когда он говорит «не смейте», это значит «я решаю».

* * *

У перекрёстка она остановилась.

— Джулиан.

— Да.

— Я сказала даме у модистки, что это ложь.

Он обернулся.

— Что?

— Она говорила про одиннадцать, — сказала Гарриет. — А я сказала, что это ложь. Я даже не подумала. Просто сказала.

Он смотрел на неё, и в его лице было столько всего, что она не смогла разобрать.

— Вы не знали правды.

— Не знала.

— И всё равно сказали.

— Сказала.

Он шагнул ближе.

— Почему?

— Потому что вы не трус, — сказала Гарриет. — Я видела вас на приёме. И видела, как вы смотрите на людей, которые говорят глупости. Вы не трус.

Он поднял руку — и она замерла.

Он не коснулся её лица. Он поправил воротник её пальто — тот, что съехал набок, — и его пальцы на секунду легли у самой шеи, тёплые, шершавые.

Она почувствовала, как у неё перехватило дыхание.

— Вы не знаете, — сказал он тихо. — Вы ничего обо мне не знаете.

— Знаю, — сказала она. — Знаю, что вы не спите. Знаю, что вы читаете сказки. Знаю, что вы поправляете вещи на столе, когда не хотите отвечать.

Он убрал руку.

— Это не всё.

— Это начало.

* * *

До лавки они дошли молча.

Снег лежал на ступенях, и на снегу были следы — не её и не Нелл. Кто-то стоял у двери, долго, переступая с ноги на ногу, а потом ушёл.

Гарриет посмотрела на дверь.

На косяке, на высоте плеча, была нарисована мелом ко-

роткая черта и под ней вторая, покороче.

— Что это? — спросила она.

Джулиан подошёл и посмотрел.

— Это метка, — сказал он. — Так делают те, кто приходит смотреть. Первая черта — дом. Вторая — что в доме есть человек, который им нужен.

— Я?

— Вы.

Он стёр метку рукавом.

— Завтра я поставлю у вашей двери человека, — сказал он. — И не спорьте.

Гарриет посмотрела на него.

— Я и не собиралась.

— Собирались.

— Собиралась, — согласилась она. — Но не буду.

Он кивнул.

— Спокойной ночи, миссис Фэрроу.

— Спокойной ночи, полковник.

Он ушёл, и снег скоро закрыл его следы.

* * *

— Кто это был? — спросила Нелл из-за двери.

— Полковник.

— Он вас проводил?

— Проводил.

Нелл помолчала.

— Миссис.

— Что?

— У вас воротник поправлен, — сказала она. — А вы всегда поправляете его сами, когда волнуетесь.

* * *

Утром пришёл констебль.

Он долго смотрел на стёртую мелом черту, потом на дверь, потом на неё.

— Мэм, у вас есть враги?

— Есть.

— Это хорошо, — сказал он. — Плохо, когда их нет: тогда непонятно, кого искать.

Он достал книжку.

— Такие метки ставят не воры, — проговорил он. — Воры ничего не пишут. Так ставят те, кто берёт заказы: две черты — дом, короткая — что внутри есть что взять.

— Что взять?

— Всё, — сказал констебль. — Или кого.

Гарриет похолодела.

— Что мне делать?

— Поставить человека у двери, — проговорил он. — И не спать одной.

— Я не одна.

— Тогда пусть тот, второй, тоже не спит.

Он ушёл.

Гарриет постояла у двери, потом взяла мел и сама обвела то место, где была метка, — крестом.

Пусть видит, что я видела.
Гарриет посмотрела в зеркало.
Воротник был ровный.
Он поправил.
Она взяла чашку и обнаружила, что руки дрожат.

Глава 9. Пожар

Её разбудили в три часа.

— Миссис! Миссис, вставайте!

Нелл стояла у кровати со свечой, и лицо у неё было белое.

— Что?

— Пожар. В Мэйфере. Горит крыло.

Гарриет села.

— Чей дом?

— Его.

* * *

Они добежали за двадцать минут.

Улица была запружена: кареты, люди в ночных колпаках, ведра, вода, чёрный дым, который шёл низко, вдоль крыш, и не хотел подниматься.

Горело правое крыло. Огонь уже сбили, но стены чернели, и окна были выбиты, и слышно было, как шипит вода на углях.

Джулиан стоял у ограды.

Он был в одной рубахе, без пальто, и на лице у него была сажа. Он смотрел на дом так, как смотрят на человека, которого не смогли спасти.

— Джулиан.

Он обернулся.

— Что вы здесь делаете?

— Пришла.

— Здесь нечего делать.

— Я вижу.

Он снова посмотрел на дом.

— Никто не погиб, — сказал он. — Миссис Трент вывели. Люди целы.

— Слава Богу.

* * *

Миссис Трент сидела на ступеньке в чужом пальто и не двигалась.

— Трент, — сказала Гарриет, присаживаясь рядом. — Вы целы?

— Цела.

— Вам плохо?

— Мне не плохо.

Она смотрела на огонь.

— Там остался ящик, — проговорила она.

— Какой ящик?

— Деревянный, в спальне. С письмами.

— Чьими?

Миссис Трент повернула голову.

— Её, — сказала она. — Я обещала, что не потеряю.

Гарриет посмотрела на дом.

— Сейчас ничего не достанешь.

— Я знаю.

Они просидели молча.

Потом Джулиан подошёл и сел рядом с ними.

— Ящик у меня, — проговорил он.

Миссис Трент подняла на него глаза.

— Что?

— Я вынес его в месяц назад, — сказал он. — К себе, в комнату в лавке.

— Зачем?

— Потому что понял, что если будет пожар, я захочу спасти именно его.

Миссис Трент долго молчала.

— Вы ничего мне не сказали.

— Не сказал.

Она закрыла лицо руками.

— Я восемь лет думала, что один во всём доме помню её, — проговорила она.

— Да.

Он сказал это ровно, и от этой ровности у неё сжалось горло.

* * *

Пожарные ещё работали, когда они ушли.

Гарриет взяла его за руку и повела за собой, и он пошёл, потому что идти было проще, чем стоять.

В лавке было тепло. Нелл растопила печь и поставила чайник.

— Садитесь, — сказала Гарриет.

Он сел.

Она налила чай, крепкий, с сахаром, и поставила перед ним.

— Пейте.

Он взял чашку — и она увидела, что левая рука у него не поднимается.

— Дайте, — сказала она.

Он посмотрел на неё.

— Что?

— Дайте руку.

Он помедлил, потом протянул левую.

Ладонь была обожжена — не сильно, но красно, и на пальцах вздулись пузыри.

— Вы вытаскивали людей, — сказала Гарриет.

— Двоих.

— И руку не берегли.

— Она и так плохо работает, — сказал он. — Какая разница.

Она встала, достала из шкафа чистую тряпку, намочила холодной водой и приложила к ладони.

Он вздрогнул.

— Больно?

— Нет.

— Врёте.

— Вру, — согласился он.

* * *

Они сидели в лавке, пока не рассвело.

Нелл уснула на стуле у печи. За окном серело.

— Миссис Фэрроу.

— Гарриет.

Он помолчал.

— Гарриет.

— Что?

— Я не хочу возвращаться в дом, где горит.

Она посмотрела на него.

— У вас есть комнаты наверху.

— Есть.

— Они пустые.

— Пустые.

Он поднял на неё глаза.

— Вы предлагаете?

— Я предлагаю, — сказала Гарриет. — Комнаты сдаются. Плата — за свет и уголь. И за то, что вы будете спускаться к завтраку.

Он долго молчал.

— Люди будут говорить.

— Люди всегда говорят.

— Вам это повредит.

— Мне это повредит меньше, — сказала она, — чем вам — ночевать на улице.

Джулиан посмотрел на свою перевязанную руку.

— Хорошо, — сказал он. — Но с одним условием.

— С каким?

— Я не буду вам мешать, — сказал он. — Ни в чём. Если я стану помехой для дела, вы скажете, и я уйду.

Гарриет кивнула.

— Договорились.

* * *

Утром пришла миссис Трент, в чужом пальто, с двумя саквояжами, и остановилась на пороге.

— Миледи.

— Я не леди, — сказала Гарриет. — Я миссис Фэрроу.

Миссис Трент посмотрела на неё, потом на полковника, который сидел у печи с перевязанной рукой, и поджала губы.

— Полковник, — сказала она. — Это неприлично.

— Знаю, — сказал он.

— Что скажет ваша мать?

— Что-нибудь скажет.

Миссис Трент поставила саквояжи.

— Тогда я останусь, — сказала она. — Кто-то должен следить, чтобы вы ели.

Гарриет посмотрела на неё.

— У нас одна кухня.

— Я заметила, — сказала миссис Трент. — И одна печь.

— И два пресса.

— Ещё лучше.

Она сняла пальто.

— Где я буду спать?

Глава 10. Сосед

Он переехал в четверг, и это заняло два часа.

Три сундука, два чемодана, шкатулка с бумагами, шпага в чехле, семь книг и медный таз, который миссис Трент несла сама, никому не доверив.

Комната наверху была маленькая, с одним окном на Флит-стрит. Кровать, стол, стул, таз.

— Тесно, — сказала Гарриет.

— Мне хватает.

— Здесь холодно зимой.

— Я спал в палатке.

Миссис Трент внесла таз и поставила его так, чтобы всем было видно, что она здесь хозяйка.

— Полотенца я привезла свои, — сказала она. — Ваши я не трогала.

— Спасибо, — сказала Гарриет.

— И ещё одно, миссис Фэрроу. Я не стану есть за одним столом с наборщицей.

Гарриет обернулась.

— Тогда вы будете есть в своей комнате, — сказала она. — Нелл ест со мной.

Миссис Трент поджала губы.

* * *

Вечером он спустился с её книгой в руках.

— Вы оставили это наверху.

— Спасибо.

Он не отдал книгу.

— Здесь ошибка, — проговорил Джулиан.

Гарриет подняла голову.

— Где?

— Страница сорок. Вы сложили проценты и основной долг, а потом вычли ещё раз.

Она взяла книгу.

Действительно: в колонке стояло на двенадцать фунтов меньше, чем должно было.

— Я считала в полночь, — сказала она.

— Не объясняйте, — проговорил он. — Я не об ошибке. Я о том, что вы её найдёте сами через день-два — и тогда придётся переделывать три страницы.

Гарриет посмотрела на него.

— Вы проверяли мою книгу?

— Проверил.

— Почему?

— Потому что видел, как вы её ведёте, — сказал Джулиан. — И понял, что вы единственный человек в этом доме, чьи цифры можно проверить без обиды.

— Как угодно.

— Именно так.

* * *

К вечеру дом стал другим.

От него пахло табаком и кожей, на лестнице стоял его сапог, в кухне появился его чайник — большой, чёрный, с вмятиной на боку.

Гарриет поймала себя на том, что прислушивается.

Шаги наверху. Стул. Вода в тазу. Тишина.

Он здесь. Надо же.

— Миссис, — сказала Нелл, — вы опять улыбаетесь.

— Я не улыбаюсь.

— Ну конечно.

* * *

Правила они написали на второй день.

— Я встаю в пять, — сказал он. — Шуметь не буду.

— Я ложусь в два. Если буду мешать, стучите в пол.

— Не буду.

— Почему?

— Потому что вы работаете.

Гарриет посмотрела на него.

— А вы?

— Я теперь ничего не делаю, — сказал он. — Я жду комиссию.

— Это тоже работа.

— Это ожидание, — сказал Джулиан. — Разница в том, что ожидание не устаёт.

* * *

Ночью она услышала.

Сначала ей показалось, что это Нелл. Потом поняла: шаги

были тяжелее, и шли они не вниз, а из стороны в сторону.

Она встала, накинула шаль и поднялась по лестнице.

Дверь его комнаты была приоткрыта. Внутри горела свеча.

Он стоял у окна. Не спал. Смотрел на улицу.

— Полковник.

Он обернулся.

— Вы не спите, — сказал он.

— Вы тоже.

— Я редко.

Гарриет подошла.

— Что вы там видите?

— Ничего, — сказал он. — Привычка.

— Смотреть в окно?

— Смотреть, — сказал Джулиан, — не идёт ли кто.

Она встала рядом.

Улица была пустая. Горел один фонарь, и в его свете кружился снег.

— Здесь никого нет, — сказала она.

— Сегодня нет.

Они стояли молча. Она слышала, как он дышит.

— Вам надо спать, — сказал он наконец.

— Знаю.

— Идите.

— Иду.

Она не двинулась.

Он повернул голову, и в узком проёме между окном и столом их разделяла ладонь.

— Гарриет.

— Да.

— Идите, — сказал он тише. — Пожалуйста.

Она ушла.

* * *

Утром миссис Трент подала завтрак и сказала, ни к кому не обращаясь:

— В моё время люди спали по своим комнатам.

— В ваше время, — сказала Нелл, — люди ели репу и умирали в сорок.

Миссис Трент посмотрела на неё.

— Дерзкая.

— Голодная, — сказала Нелл. — Это выглядит одинаково.

Гарриет уткнулась в чашку, чтобы не засмеяться.

Джулиан смотрел в стол и, кажется, тоже.

— —

Вечером, когда все разошлись, он спустился в типографию и долго стоял, глядя на пресс.

— Что? — спросила она.

— Я думал, — сказал он, — что если я не могу служить, то могу хотя бы помогать.

— Чем?

— Руки есть, — сказал Джулиан. — Одна плохо, но бу-

магу носить хватит.

Гарриет посмотрела на его перевязанную ладонь.

— Бумага тяжёлая.

— Я тоже.

Она усмехнулась.

— Хорошо, — сказала она. — Завтра в семь. И если опоздаете, я вычту из платы.

— Из какой платы?

— Из той, которую вы мне платите за комнаты, — сказала Гарриет. — Я умею считать в обе стороны.

Глава 11. Два пресса

Он пришёл в семь, как обещал.

В рубахе, без камзола, с перевязанной ладонью, и Гарриет впервые увидела, как он выглядит без своего всегдашнего тёмного.

— Что делать? — спросил он.

— Бумага. Вон та, в углу. Двадцать стоп.

Он посмотрел на угол.

— Двадцать?

— Двадцать.

Он взял первую стопу и поднял её одной рукой — правой, — и Гарриет заметила, как напряглась у него шея.

— Я помогу, — сказала она.

— Не надо.

— Я не спрашиваю.

Она взяла вторую стопу, и они понесли.

* * *

Работа шла до полудня.

Он носил бумагу, она набирала, Нелл печатала. Миссис Трент дважды заходила и дважды уходила, поджав губы.

К обеду он снял повязку, потому что она мешала.

— Нельзя, — сказала Гарриет.

— Она мокрая.

— Тогда сухая.

Она достала чистую тряпку и перевязала ладонь заново, и его пальцы, когда она их держала, были горячие и шершавые.

— Спасибо, — сказал он.

— Не за что.

Они стояли слишком близко. Она слышала, как он дышит.

— Гарриет.

— Что?

— Ничего, — сказал он и отступил на шаг.

* * *

После обеда она поставила его к прессу.

— Держите здесь, — проговорила Гарриет. — И тяните к себе, а не вниз.

Он потянул вниз.

Форма треснула.

— Ох.

— Вот именно.

Она забрала у него рычаг.

— Это стоит восемь шиллингов.

— Я заплачу.

— Не заплатите, — сказала Гарриет. — Вы будете учиться.

Она встала рядом и положила его ладонь поверх своей.

— Смотрите. Я тяну — вы чувствуете?

— Чувствую.

— Так и надо. Не силой, а весом.

Он попробовал ещё раз. Форма пошла ровно.

— Получилось, — проговорил он.

— Получилось.

Он обернулся, и они оказались лицом к лицу.

— Гарриет.

— Что?

— Вы меня учите, — сказал Джулиан, — как будто я останусь.

Она отпустила рычаг.

— А вы останетесь?

Он не ответил.

* * *

— Миссис, — сказала Нелл после обеда. — Можно вас на минуту?

Они вышли в коридор.

— Что?

— Он смотрит на вас, — сказала Нелл.

— Он смотрит на всех.

— Нет, — сказала Нелл. — На всех он смотрит, как на мебель. А на вас — как на человека, которого боятся потерять.

Гарриет помолчала.

— Это плохо?

— Это опасно, — сказала Нелл. — Для дела. И для вас.

— Почему для меня?

— Потому что вы три года ни на кого так не смотрели, — сказала Нелл. — А теперь смотрите.

* * *

Вечером пришёл мальчишка.

Он принёс пакет, перевязанный бечёвкой, и записку.

— От кого? — спросила Гарриет.

— Не велено говорить, — сказал мальчишка. — Сказали, вы поймёте.

Он убежал, и она развернула записку.

Почерк был ровный, аккуратный, без нажима.

«Миссис Фэрроу. Два заказа. Первый: сто афиш к четвергу, текст прилагаю. Второй: пробные оттиски с приложенного образца, сорок листов. Бумага будет доставлена. Плата вперёд. Не спрашивайте, зачем. — Г.»

Гарриет посмотрела на подпись.

— «Г», — сказала она.

— Гривз, — сказала Нелл из-за плеча.

— Или кто-то другой.

— Или Гривз.

Гарриет развернула пакет.

Внутри лежал образец: лист бумаги, плотный, с водяным знаком и тонкой сеткой. И рядом — другой лист, с печатью: банкнота на десять фунтов.

Нелл взяла её и поднесла к свече.

— Миссис.

— Что?

— Это не образец, — сказала Нелл. — Это настоящая. Только бумага чуть светлее.

* * *

Джулиан вошёл в типографию и остановился.

— Что это?

— Заказ, — сказала Гарриет. — Сто афиш и сорок пробных оттисков.

Он взял банкноту, повернул, посмотрел на свет.

— Где вы это взяли?

— Принёс мальчишка. От «Г».

Он положил банкноту на стол очень аккуратно.

— Гарриет.

— Что?

— Вы понимаете, что это?

— Понимаю, — сказала она. — Это заказ на фальшивые деньги.

— И?

— И я его не возьму, — сказала она. — Но сначала я узнаю, кто его прислал.

Джулиан посмотрел на неё.

— А если это ловушка?

— Тогда она захлопнется, — сказала Гарриет, — и мы узнаем, на кого она была рассчитана.

Глава 12. Бумага

Утром они разложили оба листа на прилавке.

Банкнота и образец. При дневном свете разница была видна только на ощупь: образец был чуть мягче и пах иначе — не типографской краской, а чем-то сладковатым.

— Водяной знак, — сказала Нелл. — Смотрите.

Она поднесла лист к окну.

В бумаге проступали тонкие линии: щит, а в нём три пера.

— Это не наш поставщик, — сказала Гарриет.

— Это банковская бумага, — сказала Нелл. — Ту же делают для Английского банка. У них свой мастер.

— Откуда ты знаешь?

— Я два года работала у Гривза, — сказала Нелл. — Мы печатали для него бланки. Он один раз приносил такую бумагу и очень ругался, что дорого.

Гарриет села.

— Нелл.

— Да?

— Почему ты ушла от него?

Нелл помолчала.

— Потому что он однажды запер меня в кладовой, — сказала она. — Я взяла лист бумаги для пробы. Он сказал, что я вор.

— И?

— И я ушла. Он не стал меня искать: я никто.

Гарриет посмотрела на неё.

— Ты не никто.

— Теперь нет, — сказала Нелл. — Теперь я наборщица у вас.

* * *

К одиннадцати Гарриет пошла к бумажному торговцу на Темз-стрит.

Лавка была тёмная, тесная, с запахом сырости и клея. За прилавком стоял старик с очками на лбу.

— Что угодно, мэм?

— Бумагу, — сказала Гарриет. — Плотную, для бланков.

Он выложил три образца.

— Вот эта — лучшая. Дорогая, но чернила держит.

Гарриет взяла лист и перевернула его к свету.

Щит с тремя перьями.

— Вот эта, — сказала она. — Кто ещё её берёт?

Старик посмотрел на неё поверх очков.

— А вам зачем?

— Я печатаю бланки для комиссии, — сказала Гарриет. — И не хочу, чтобы мои листы путали с чужими.

Он помолчал.

— Берут, — сказал он. — В прошлом месяце взяли двадцать стоп.

— Кто?

— Мистер Гривз. Для какой-то типографии в Ламбете.

— Для своей?

— Нет, — сказал старик. — Свою он не любит. Говорит, там люди неаккуратные.

Гарриет положила лист.

— Спасибо.

— Купите что-нибудь, мэм, — сказал он. — А то разговор дороже бумаги.

Она купила десять листов.

— Мэм, — сказал старик вдруг.

— Да?

— Вы не первая, кто про неё спрашивает.

Гарриет замерла.

— А кто был первым?

— Месяца два назад, — проговорил он. — Человек в перчатках. Сказал, что берёт для хозяина.

— И что он спрашивал?

— Кто берёт эту бумагу. Я сказал, что не помню.

— Почему?

Старик посмотрел на неё поверх очков.

— Потому что он мне не понравился, — сказал он. — А вы мне нравитесь.

Он завернул листы.

— И ещё одно, мэм. Если кто-то спросит про вас, я скажу то же самое.

— Что?

— Что не помню.

* * *

Дома Нелл ждала её с оттиском.

— Смотрите.

На листе была банкнота. Не копия — оттиск, свежий, с ровными краями и правильным тоном.

— Ты напечатала?

— Один, для пробы, — сказала Нелл. — Миссис, это страшно похоже.

Гарриет взяла лист.

Он был почти неотличим. Только краска чуть блестела.

— Если это пустить в дело, — сказала она, — через месяц половина Лондона будет платить фальшивками.

— И половина будет знать, что их печатали у нас, — сказала Нелл.

— Да.

— Что мы будем делать?

Гарриет посмотрела на образец, на оттиск, на пресс.

— Сначала, — сказала она, — мы узнаем, зачем это Гривзу. У него вексель на четыреста фунтов. Если он печатает деньги, ему не нужны мои четыреста.

— Тогда зачем ему лавка?

— Вот это я и хочу понять.

* * *

В дверь постучали.

Нелл выглянула.

— Миссис. Это он.

— Кто?

— Гривз.

Гарриет быстро убрала оттиск в ящик и накрыла образец счётом.

— Впускай.

Гривз вошёл с той же вежливой улыбкой.

— Миссис Фэрроу. Я слышал, вы получили мой заказ.

— Получила.

— И?

— И у меня есть вопросы.

Он поднял брови.

— Вопросы?

— Кто будет платить, — сказала Гарриет, — если за эту бумагу возьмутся люди из банка?

Улыбка осталась на месте, но глаза у него изменились.

— Ах, — сказал Гривз. — Значит, вы всё-таки посмотрели на водяной знак.

Глава 13. Условия Гривза

— Присядем? — сказал Гривз.

— Постоим.

— Как угодно.

Он снял перчатки, аккуратно, палец за пальцем, и положил их на прилавок рядом с образцом.

— Миссис Фэрроу. Я предлагаю вам дело.

— Вы предлагаете мне печатать фальшивые деньги.

— Я предлагаю вам печатать то, что вам заказывают, — сказал он. — Как вы делали три года.

— Три года я печатала словари.

— И памфлеты, — сказал Гривз. — Которые запрещены к продаже в некоторых лавках. Вы думаете, я не знаю?

Гарриет промолчала.

— Вот видите, — сказал он мягко. — У каждого есть строчка, за которую он не хочет отвечать.

— Сколько?

— Что сколько?

— Сколько вы предлагаете?

Он улыбнулся.

— Вексель я верну. Весь. Четыреста фунтов — мои расходы, я их спишу. И ещё двести сверху.

— За сорок оттисков?

— За сорок оттисков, — сказал Гривз, — и за молчание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.